

не касается. Спорная в ряде положений статья Яковлева несомненно интересна как одна из первых попыток уяснить точку зрения людей начала XVII в. на события своего времени.⁴⁰

Из сделанного обзора можно заключить, что исследователи XIX и начала XX вв., главным образом историки, немало сделали для изучения памятников первой трети XVII в. Они привели в известность весь наличный материал, выделили ведущие произведения, наметили основные проблемы, связанные с их изучением (проблемы редакций, авторства, жанра, стиля), и вплотную подошли к изучению памятников «Смутного времени» как литературных произведений.

Если мы обратимся теперь к общим курсам и систематическим обзорам русской литературы дореволюционного периода, то далеко не везде найдем даже упоминание о повестях эпохи «Смутного времени». Так, мы ничего о них не находим в «Истории русской словесности» А. Д. Галахова,⁴¹ в труде под тем же заглавием И. Д. Порфирьева⁴² и даже в «Истории древней литературы» М. Н. Сперанского.⁴³ В. А. Кельтуяла в своем «Курсе истории русской литературы»⁴⁴ посвящает памятникам эпохи «Смуты» одну страницу, заметив при этом, что в эту эпоху «литературное творчество отошло на задний план». Он ограничивается перечислением памятников и несколькими общими замечаниями. А. Н. Пыпин более подробно говорит о памятниках начала XVII в., но дает им очень суровую и несправедливую оценку. Он указывает на стремление авторов в повестях о «Смуте» к условной литературной форме, к «красоте изложения» в ущерб фактичности и даже смыслу, наличие элементов агиографических и народно-легендарных, влияние общепризнанных взглядов на характеристику исторических лиц и событий. Все это, по мнению Пыпина, снижает ценность разбираемых произведений. «Литература исторических рассказов о Смутном времени, — говорит исследователь, — довольно значительна. Это традиционная летописная манера, где хотя и выдаются собственные сочувствие или враждебность писателя к лицам и событиям, но все-таки нет объяснения внутреннего значения и связи событий. Когда такой писатель рассказывает биографию излюбленного деятеля, он пишет натянутым языком жития, и если хочет придти к общему выводу, то на место истории становится церковное поучение».⁴⁵ Итог анализа получается далеко не утешительный: повести о «Смуте» не только не ценны как исторический источник, но не интересны и как литературные произведения, так как ничего нового по сравнению с XVI в. не дают.

Более глубокий литературный анализ памятников начала XVII в. дает профессор А. С. Архангельский в своей книге «Литература Московского государства». Он использует ценные указания на литературные достоинства памятников, сделанные С. Ф. Платоновым, что и помогает ему избежать односторонних выводов, которые так резко были высказаны Пыпиным. А. С. Архангельский называет разбираемые памятники «чрезвычайно интересным циклом московских повестей и сказаний» и указывает в них как традиционные, так и новые черты.⁴⁶ Архангельский, как и Ключев-

⁴⁰ О политических взглядах дьяка Тимофеева см также в книге В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти» (Пгр., 1916, стр. 362—370).

⁴¹ См. 2-е изд., СПб., 1880; глава 2 этой книги о древнерусской повести, написанная А. Н. Веселовским, повестей о «Смуте» не касается.

⁴² История русской словесности, ч. 1. Изд. 5, Казань, 1891.

⁴³ Изд. 2. М., 1914.

⁴⁴ Курс истории русской литературы, ч. 1. История древней русской литературы СПб., 1911.

⁴⁵ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, гл. 11, стр. 455—465.

⁴⁶ А. С. Архангельский. Литература Московского государства. Казань, 1913, стр. 250—263.